

ЕВРОПЕЙСКАЯ КАМПАНИЯ 2024 г. В ГЕРМАНИИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЫБОРЫ «ВТОРОГО ПОРЯДКА»?

АЛЁНА ЛИСЕНКОВА

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В 2024 г. состоялись десятые прямые выборы в Европейский парламент. В них приняли участие граждане всех государств-членов Европейского союза. Несмотря на устоявшуюся традицию проведения европейских кампаний, в научно-политическом дискурсе прочно укоренилось представление об их низкой значимости. В качестве подтверждения обычно используется ряд положений концепции национальных выборов «второго порядка». Цель данной статьи – оценить применимость этой концепции к кампании в Европейский парламент 2024 г. в Германии. В тексте рассматриваются статистические данные, позволяющие сопоставить результаты выборов «первого» (в Бундестаг) и «второго порядка» (в Европейский парламент). Они касаются явки, протестного голосования и результатов основных политических партий страны. Отдельное внимание уделено ключевым элементам нормативно-правовой и институциональной трансформации Европейского парламента, а также повлиявшим на результаты голосования политическим проблемам и внутрипартийным кризисам. Автор приходит к выводу, что в ходе голосований по избранию представительного органа ЕС 2014, 2019 и 2024 годов наблюдаются тенденции как постепенного роста интереса граждан к голосованию в Европейский парламент, так и снижения процента испорченных бюллетеней. Тем не менее по некоторым признакам выборы 2024 г. всё ещё можно характеризовать как второстепенные. Например, явка в 2024 г. была существенно ниже, чем в рамках предшествовавшей федеральной кампании 2021 года. При этом участники находящейся во второй половине своего срока правящей коалиции «Светофор» потерпели неудачу. Прослеживалось и протестное голосование как за евроскептиков, так и за еврооптимистов. Наконец, весомое значение имела совокупность экономических, энергетических, внешнеполитических и миграционных проблем, а также системный кризис партии «Левая».

Ключевые слова:

концепция национальных выборов «второго порядка»; Европейский парламент; европейские выборы 2024 года; Германия

В 1979 г. состоялись первые прямые выборы в Европейский парламент. Осмысливая их итоги, Карлхайнц Райф и Герман Шмитт сформулировали концепцию национальных выборов «второго порядка». В 2024 г. прошла юбилейная десятая кампания. За эти годы законодательство и

институты Европейского союза (ЕС) подверглись значительной трансформации. Вместе с тем у исследователей сохраняется ряд оснований опираться на предложенную концепцию, квалифицирующую европейские выборы как второстепенные, хотя сами составители считали её достаточно

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2024

Дата принятия к публикации: 15.11.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: alena.denisovna@yandex.ru

грубой. По их мнению, она не учитывает среди прочего политическую или экономическую ситуацию в стране на момент выборов [Reif, Schmitt 1980]. Тем не менее многие её положения, более подробно представленные ниже, и по сей день достаточно чётко отражают тенденции, свойственные голосованию в Европейский парламент.

Государственная форма правления страны традиционно определяет принадлежность голосования к «первому порядку». Например, в США к ним относятся президентские выборы, а в Германии, парламентской республике, на них избирается Бундестаг. К национальным выборам «второго порядка», в первую очередь, можно отнести наднациональные (европейские) и субнациональные (земельные) кампании. В своём названии они сохраняют определение «национальные». Связано это с тем, что даже голосование в Европейский парламент по-прежнему проводится отдельно в каждом государстве-члене, а не в ЕС как в едином объединении.

Согласно концепции, национальным выборам «второго порядка» свойственны менее высокий уровень участия, в частности низкая явка, но более широкие перспективы для малых и новых партий, а также популистских, радикальных или протестных, в том числе в отношении ЕС. Другими критериями являются высокий процент недействительных бюллетеней (протестное голосование) и проигрыш правительственных партий. У последних отмечаются минимальные результаты в середине национального избирательного цикла, хотя сразу после выборов «первого порядка» в ходе своего «медового месяца» непосредственно после прихода к власти они могут рассчитывать на большую поддержку [Reif et al. 1980; Norris, Reif 1997; Hix, Marsh 2007]. Осознавая невозможность нанесения существенного ущерба правящим силам, избиратели пытаются зачастую их наказать [Milosavljević, Milovanović 2019]. Чаще всего они голосуют либо искренне за менее влиятельные, но привлекательные партии, либо стратегически как выражение протеста [Schmitt et al. 2020]. Примечательно,

что в период «медового месяца» явка также может оказаться несколько ниже, а поддержка правящих сил выше. Накануне очередных национальных выборов партии особенно заинтересованы в инвестировании ресурсов в европейскую кампанию, поскольку это позволяет сформировать определённый задел перед более значимым голосованием [Hix, Marsh 2007].

Пиппа Норрис также отмечала, что в голосовании прослеживается высокая степень зависимости от уровня популярности партий на национальном уровне, а не от актуальных вопросов, находящихся на общеевропейской повестке дня. Кроме того, европейским проблемам, связанным с деятельностью наднациональных институтов, и подобным вопросам в принципе не свойственно выходить на передний план [Norris et al. 1997].

Работы, посвящённые применимости концепции к голосованию в Европейский парламент, в основном встречаются в зарубежной научной литературе, приуроченной к очередной кампании. В них оцениваются общие тенденции на выборах [Giebler 2019; Schmitt et al. 2020; Felix 2021], равно как и предметно разбираются кампании в конкретной стране [Lasan 2020, Jurkynas 2024; Efthymiopoulos et al. 2024]. Зачастую используются лишь некоторые положения концепции (например, повышенный интерес к протестным партиям) в исследованиях по голосованию на европейских выборах в отдельных государствах-членах, в том числе в ФРГ [Ondarza et al. 2018; Korte 2020]. В российской академической литературе концепции уделено не так много внимания, но она всё-таки упоминается рядом специалистов, анализирующих, например, явку [Кузнецов 2019], политические последствия выборов [Федоров 2019], влияние последних на результаты общеевропейской повестки [Кавешников 2020] или участие в выборах посткоммунистических стран [Самолётова 2013].

Цель статьи — оценить применимость концепции национальных выборов «второго порядка» к кампании в Европейский парламент 2024 г. в Германии. Исследо-

Таблица 1
Явка на выборах в Бундестаг и Европейский парламент

Год	Нац. явка ФРГ, %	Год	Европ. явка ФРГ, %	Европ. явка ЕС, %
1976	90,7	1979	65,7	62
1980	88,6	—	—	—
1983	89,1	1984	56,8	59
1987	84,3	1989	62,3	58,4
1990	77,8	—	—	—
1994*	79	1994	60	56,7
1998	82,2	1999	45,2	49,5
2002	79,1	2004	43	45,5
2005	77,7	—	—	—
2009*	70,8	2009	43,3	43
2013	71,5	2014	48,1	42,6
2017	76,2	2019	61,4	50,7
2021	76,4	2024	64,8	51,1

*Выборы в Европейский парламент прошли раньше, чем в Бундестаг.

Источники: Wahlbeteiligung bei den Bundestagswahlen in Deutschland von 1949 bis 2021 // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2274/umfrage/entwicklung-der-wahlbeteiligung-bei-bundestagswahlen-seit-1949/> (дата обращения: 24.06.2024); Wahlbeteiligung // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/de/wahlbeteiligung/> (дата обращения: 06.07.2024).

вание именно данной страны представляется актуальным как ввиду её лидирующей политической и экономической роли в объединении, так и в связи с наличием у неё самой многочисленной делегации в Европейском парламенте. Автор ставит перед собой ряд задач. Прежде всего, при помощи сравнительного анализа рассмотреть статистические данные, касающиеся явки, протестного голосования и результатов партий Германии. Кроме того, посредством системного анализа проанализировать не только особенности эволюции Европейского парламента как института, но и политические проблемы и внутрипартийные кризисы, имеющие отношение к кампании 2024 года.

Таким образом, представленная статья состоит из двух разделов, первый из которых посвящён явке и основным причинам её изменения на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии и ЕС, а второй — протестному голосованию и результатам партий на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии.

Явка на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии и ЕС и основные причины изменений

Результаты избирательной кампании 2024 г. в Европейский парламент показали невысокую явку (табл. 1), при этом с 1979 по 2024 г. она ни разу не была выше, чем на выборах в Бундестаг. Тем не менее если после повышенного интереса к первому голосованию 1979 г. в среднем по Европейскому союзу с каждым новыми выборами интерес граждан последовательно снижался и достиг своего минимума в 2014 году, то с 2019 г. явка вновь начала расти. Ситуация в Германии соответствовала общим тенденциям в рамках интеграционного объединения: показатели явки в стране также существенно возросли в ходе трёх последних кампаний.

Для объяснения колебаний явки на обоих уровнях в разные годы можно выделить ряд общих факторов: новые этапы расширения ЕС, даты проведения выборов, *Brexit*, обязательный характер голосования в некоторых государствах-членах, воссое-

динение Германии, институциональные преобразования и изменение восприятия европейской интеграции и Европейского парламента, в частности, вследствие активизации освещения избирательных кампаний в СМИ.

В период 2004–2014 годов на общеевропейских результатах негативно сказалось не только снижение поддержки европейской интеграции в целом [Nix et al. 2007], но и волны расширений. Например, в 2004 г. к объединению присоединились Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония. В 2007 г. список членов пополнили Болгария и Румыния, а в 2013 году – Хорватия. Средняя явка у ЕС-15 (государства-члены после расширения 1995 г.) в 2004 г. составила 52,7%, в 2009 году – 52,6, в 2014 году – 51,8%. В 2019 г. разрыв между средним по ЕС-28 и ЕС-15 (55,98%) впервые составил менее 7 п.п., а в 2024 году (ЕС-14 с 54,87%) – менее 4 п.п. В совокупности у 9 из 13 новых государств-членов с 2019 по 2024 г. явка увеличилась, как и в сравнении кампаний 2024 г. с первыми для некоторых из них выборами в Европейский парламент, прошедшими в зависимости от даты присоединения в 2004, 2007 или 2013 годах. Тем не менее о полном выравнивании ситуации говорить преждевременно. Примечательно, что кампания 2024 г. прошла без покинувшей ЕС Британии (*Brexit*), у которой традиционно была одна из самых низких явок из ЕС-15¹. Зачастую положительное влияние на рост оказывало и расположение национальных выборов близко или одновременно с наднациональными [Milosavljević 2019].

В некоторых государствах-членах голосование является обязательным. В 2024 г. данное правило коснулось граждан Бель-

гии, Болгарии, Люксембурга и с некоторыми оговорками Греции². Тем не менее статистически данная мера серьёзно повлияла только в Бельгии и Люксембурге. В сравнении с последними (82–92%) показатели Германии трудно назвать высокими, так как они даже в лучшие времена (1979, 2019, 2024) колебались возле отметки в 65%. Между тем в большинстве кампаний они были выше средних по ЕС³.

Отдельно следует затронуть и фактор воссоединения страны в 1990 году. На первый взгляд он не оказал существенного влияния на средние результаты, поскольку на первых после него выборах в 1994 г. расхождения в подсчётах с учётом новых земель и без них минимальные⁴. В то же время некоторые эксперты полагают, что изначальная эйфория, а затем и разочарование были свойственны всей стране, что в итоге отразилось на итогах ряда кампаний после 1994 года [Горчакова 2010].

Трансформация Европарламента, которая началась ещё с 1990-х годов, была нацелена на преодоление так называемого демократического дефицита. Фундаментальная проблема содержала два ключевых и взаимосвязанных компонента: граждане недостаточно интересовались деятельностью представлявшего их интересы института, а государства всячески сопротивлялись дополнительному делегированию парламентских полномочий наверх. Тем не менее влияние парламента постепенно менялось, что, вероятно, сыграло не последнюю роль в изменении заинтересованности населения в его работе. В частности, он стал участвовать в «процедуре совместного принятия решений» (Маастрихтский договор 1992 года), которая со временем распространилась на значительный спектр направ-

¹ Wahlbeteiligung // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/de/wahlbeteiligung/> (дата обращения: 06.07.2024).

² 2024 European elections: National rules // European Parliament URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATAG\(2023\)754620_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATAG(2023)754620_EN.pdf) (accessed: 06.07.2024).

³ Wahlbeteiligung // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/de/wahlbeteiligung/> (дата обращения: 06.07.2024).

⁴ Wahlbeteiligung bei den Europawahlen in Deutschland von 1979 bis 2024 nach Bundesländern // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/6862/umfrage/wahlbeteiligung-zur-europawahl-in-deutschland-nach-bundeslaendern-seit-1979/> (дата обращения: 03.07.2024).

лений политики интеграционного объединения. Согласно Лиссабонскому договору 2007 года, она начала именоваться «обычной законодательной процедурой». В соответствии с Маастрихтским договором требовалось одобрение Европейским парламентом состава Европейской комиссии и её председателя перед их назначением. В Амстердамском договоре 1997 г. содержался пункт, касающийся специального парламентского одобрения кандидатуры главы Европейской комиссии до назначения остальных еврокомиссаров⁵. Наконец, в конце 1990-х годов Европейский парламент ещё больше усилил свои позиции. Сначала он отказался принять бюджетный отчёт Европейской комиссии за 1996 год. Вотум недоверия, на который наднациональный парламент имеет право согласно Римскому договору 1957 года, принят не был. Тем не менее в ходе проведения дополнительного рассмотрения ситуации институт вынудил Европейскую комиссию Жака Сантера уйти в отставку⁶.

Низкий интерес и осведомлённость о выборах в Европейский парламент также порождались отсутствием понимания функционала института и его влияния (как и избранных депутатов от той или иной страны) на повседневную жизнь, восприятием его роли исключительно как вспомогательной, равно как и недостаточным вниманием к сугубо европейским темам в сочетании с нехваткой фигур европейского масштаба. Последнее сопровождалось достаточно укоренившимся стереотипом о «почётной пенсии» в органах Европейского союза, подкреплявшимся выражением «если у тебя есть дед, отправь его в Европу»⁷. Со временем наднациональный представительный институт стал восприниматься и как воз-

можный этап для состоявшихся политиков, и как трамплин в политической карьере. Ряд видных государственных деятелей были депутатами Европейского парламента, например премьер-министр Хорватии Андрей Пленкович (с 2016 года) и федеральный министр продовольствия и сельского хозяйства Германии Джем Оздемир (с 2021).

Наблюдаемый преимущественно с 2010-х годов больший уровень освещения в СМИ европейских кампаний и на различных онлайн-платформах в равной степени способствовал решению проблемы низкого интереса и осведомлённости о выборах в Европейский парламент, равно как и закрепления в Лиссабонском договоре положения о назначении главы Европейской комиссии «с принятием во внимание выборов в Европейский парламент» [Гуселетов 2024]⁸. В ЕС стали проводиться дебаты, посвящённые в большей степени обще-европейским вопросам, между ведущими кандидатами на должность председателя Европейской комиссии (нем. *Spitzenkandidaten*). При этом у граждан ЕС сформировалось восприятие, что они могут выбрать не только парламент, но и будущего главу Еврокомиссии.

Впервые убедиться в реальности подобного рода назначения избиратели смогли в 2014 году, когда председателем Европейской комиссии стал Жан-Клод Юнкер. Правда, ситуация была в некоторой степени омрачена итогами кампании 2019 года, поскольку вместо изначального кандидата от Европейской народной партии и Христианско-социального союза (ХСС) в Баварии Манфреда Вебера была назначена Урсула фон дер Ляйен — член Европейской народной партии и Христианско-демократического союза Германии (ХДС). Вопрос

⁵ The European Parliament: Powers. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/19/the-european-parliament-powers> (дата обращения: 06.07.2024).

⁶ The crisis of the Santer Commission // CVCE. 08.07.2016. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/6/17/7380f95b-1fb2-484d-a262-d870a0d5d74d/publishable_en.pdf (accessed: 14.03.2023).

⁷ Schulz S. Ch. „Hast du einen Opa, schick ihn nach Europa“ // Redaktionsnetzwerk Deutschland. 18.04.2024. URL: <https://www.rnd.de/politik/hast-du-einen-opa-schick-ihn-nach-europa-SD6Z6XQFYFGRDAX2ETGZ15LZNQ.html> (дата обращения: 06.07.2024).

⁸ Treaty of Lisbon // Official Journal of the European Communities. 2007. № C 306. Art. 9 D (7).

введения транснациональных партийных списков, позволивших бы ещё в большей степени сосредоточиться на европейских темах [Felix 2021], аналогичным образом уже долгое время выступает проблемным пунктом для Европейского парламента. Тем не менее тенденция, проявившаяся в 2014 г. в ФРГ и в 2019 г. в среднем по ЕС, на постепенное повышение явки сохранилась в 2024 году.

Крайне правые евроскептики (в созыве 2019–2024 годов политическая группа национал-консерваторов и правых популистов, зачастую обвиняемых и в национализме, «Идентичность и демократия», распавшаяся в 2024 г. на «Патриотов за Европу» и «Европу суверенных наций») ранее имели основания ставить под сомнение допустимость влияния на национальную политику и в целом легитимность института, формируемого явно недостаточным количеством электората [Горчакова 2010]. Тем самым на фоне ряда кризисов, в частности евро, миграции и *Brexit*, им удалось завоевать себе дополнительную популярность как в ЕС в целом, так и в Германии в частности⁹. В конце 2000-х годов ситуацию усугубило идущее параллельно с мировым экономическим кризисом затянувшееся вступление в силу Лиссабонского договора, которое не просто произошло после выборов 2009 года, но и было омрачено результатами Первого лиссабонского референдума в Ирландии в июне 2008 года. Таким образом, крайне правые евроскептики долго наблюдали за последствиями институциональной трансформации и роста интереса граждан к европейским выборам, а также затянувшихся кризисов.

Несмотря на многолетние разногласия среди национальных партийных лидеров, они со временем последовали примеру правых (политическая группа либеральных, национал- и от части религиозных консерваторов «Европейские консерваторы и реформисты») и левых разной степени

радикальности (политическая группа экологов, демократических социалистов и коммунистов «Левые в Европейском парламенте – ЕОЛ/ЛЗС») евроскептиков, определив для себя необходимость как большего участия в наднациональных структурах, так и развития транснационального партийного сотрудничества [Погорельский 2022; Гуселетов 2023]. В частности, руководствуясь стремлением к увеличению собственного влияния, в том числе на структуры ЕС изнутри, «Альтернатива для Германии» (АдГ) вступила в Партию идентичности и демократии в 2023 году. Правда, уже в 2024 г. она была исключена из данного транснационального объединения [Zemánek 2024]. После выборов АдГ создала собственную фракцию «Европа суверенных наций» с одноимённой транснациональной партией.

Евроскептики со своей в большей степени направленной на общеевропейскую проблематику повесткой подтолкнули и еврооптимистов не только к большему привлечению ресурсов для наднациональных кампаний, но и к обсуждению касающихся ЕС тем [Milosavljević, Milovanović 2019]. Между тем от протестного голосования чаще всего выигрывали и «зелёные», пользующиеся популярностью у электората, настроенные относительно еврооптимистично [Nix, Marsh 2007]. В совокупности противостояние между двумя лагерями партий (скептики и оптимисты) не только привело к раздробленности парламента, но и подтолкнуло к росту интереса избирателей [Milosavljević, Milovanović 2019].

Таким образом, стоит подчеркнуть изменения в явке на выборах в Европейский парламент. На уровне ЕС она растёт в течение двух последних кампаний, тогда как в Германии – в течение трёх. Однако явка всё ещё ниже показателей на национальных выборах. Причин положительной динамики на двух уровнях можно выделить достаточно много. В качестве примера можно привести институциональную

⁹ Comparative tool // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/tools/comparative-tool/> (accessed: 06.07.2024).

трансформацию и изменение отношения к Европарламенту, более частые освещение кампаний в СМИ.

Протестное голосование и результаты партий на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии

Выбор граждан можно оценивать по ряду критериев. Значение имеют как различные формы протестного голосования (например, испорченные бюллетени), так и в целом результаты правящих и оппозиционных партий, в том числе малых и новых, а также популистских, радикальных или протестных. Отдельно здесь следует отметить существование различных политических и экономических обоснований, влияющих на появление расхождений между результатами голосования и положениями концепции.

Один из критериев, отражающих отношение граждан к выборам разных уровней, — доля испорченных бюллетеней. В ФРГ этот показатель существенно различается на государственных и надгосударственных выборах. На федеральном уровне у граждан есть два голоса: первый — за конкретного кандидата, второй — за партийный список. В ходе европейской кампании избиратели могут отдать только один голос за список. Примечательно, что в рамках рассматриваемой выборки с 1976 по 2021 г. на всех выборах в Бундестаг доля испорченных бюллетеней в первом случае была выше, чем во втором. Подобное наблюдение не только подтверждает релевантность данного показателя, но и связано с двумя основными факторами, касающимися именно вторых голосов. Речь идёт о необходимости преодоления 5-процентного барьера (за рядом исключений¹⁰) для попадания в национальный парламент и зависимости пропорционального распределения от них. В данном исследовании сравнение единственного европейского голоса именно

со вторым голосом на национальных выборах в Германии является наиболее целесообразным. Он аналогично влияет как на пропорциональное распределение мест в парламенте, так и на попадание в него в принципе.

Статистика показала (табл. 2), что доля испорченных бюллетеней на первых выборах в Европейский парламент (1979) совпала с предшествовавшим голосованием в Бундестаг (1976). Это обстоятельство вновь подтвердило повышенный интерес к первой европейской кампании. Тем не менее уже на последующих выборах доля европейских испорченных бюллетеней традиционно была выше, чем по вторым голосам на федеральных выборах. До 2014 г. включительно разница между этими двумя голосами составляла 0,2 п.п. и более. Первым исключением стали выборы 2019 года, когда различие было незначительным (1% и 1,09%), тогда как в 2024 г. впервые в истории выборов в Европейский парламент отметка была ниже, чем в рамках предшествовавшей федеральной кампании.

Бундестаг по результатам выборов 2021 г. сформировали семь основных политических партий: «сестринский» блок двух партий Христианско-демократический союз Германии/Христианско-социальный союз в Баварии, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Свободная демократическая партия (СвДП) Германии, «Союз 90/Зелёные», партия «Левая» (ранее Партия демократического социализма и «Левая партия. ПДС») и «Альтернатива для Германии». Их также часто называют «эtabлированными», то есть формирующими правительство на национальном и субнациональном уровнях и/или регулярно проходящие в парламенты этих уровней. Если руководствоваться подобной классификацией, то к перечисленным можно было бы отнести и партию «Свободных избирателей», но они в Бундестаге не представлены.

¹⁰ Помимо преодоления 5-процентного барьера в Германии на попадание в Бундестаг на разных этапах влиял и ряд оговорок. Так, 5%-ный барьер не действует для партий национального меньшинства. Кроме того, случались прецеденты, когда партии проходили в национальный парламент благодаря получению прямых мандатов по первым голосам.

Таблица 2
Доля испорченных бюллетеней на выборах в Германии

Год	Доля		Год	Доля
	1-й голос, %	2-й голос, %		Единый голос, %
1976	1,2	0,9	1979	0,9
1980	1,3	0,9	—	—
1983	1,1	0,9	1984	1,5
1987	1,3	0,9	1989	1,1
1990	1,5	1,1	—	—
1994	1,7	1,3	1994	2,4
1998	1,6	1,3	1999	1,5
2002	1,5	1,2	2004	2,8
2005	1,8	1,6	—	—
2009	1,7	1,4	2009	2,2
2013	1,5	1,3	2014	1,64
2017	1,2	1	2019	1,09
2021	1	0,9	2024	0,8

Источник: Ungültige Stimmabgabe. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/service/glossar/u/ungultige-stimmabgabe.html> (дата обращения: 24.06.2024); Wahlergebnis der Europawahl am 9. Juni 2024 in Deutschland (vorläufiges). URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/europawahl/2024-deutschland.htm> (дата обращения: 26.06.2024).

В то же время ХДС/ХСС и СДПГ традиционно обозначаются как «народные», то есть массовые и претендующие на руководство федеральным правительством. Причислить какие-либо другие силы к последним было бы преждевременно, как и исключать СДПГ. Несмотря на неудачи последней в двух европейских кампаниях подряд¹¹, выборы 2021 г. она выиграла, пусть и преимущественно за счёт неудач оппонентов и личного авторитета Олафа Шольца. «Зелёные», в свою очередь, после рекордного второго места 2019 г. и весьма успешного выступления в 2021 г. не смогли закрепить результаты в 2024 году, когда климатическая повестка пошла на спад. Между тем АдГ в 2024 г. первый раз в истории вышла на второе место на выборах.

К основным силам в созыве Бундестага 2021 г. присоединился крайне малый Союз южношлезвигских избирателей (СЮИ)

благодаря более лояльным требованиям к партиям национального меньшинства. На европейских выборах подобных оговорок нет. Следовательно, рассмотрение концепции национальных выборов «второго порядка» применительно к СЮИ не являлось бы корректным.

С недавних пор, после раскола в партии «Левая», политические реалии позволяют с определённой долей условности включить в число основных партий и «Союз Сары Вагенкнехт — за разум и справедливость» (ССВ). Новая сила не участвовала в национальной избирательной кампании 2021 года, но имела достаточный рейтинг (свыше 8% на середину сентября 2024 года) и, по некоторым прогнозам, претендовала на нишу левых в Бундестаге в 2025 г. Популярность последних падала не первый год — около 3% на середину сентября 2024 года [Павлов, Дмитриев 2024]¹². Тем

¹¹ СДПГ опустилась с традиционного второго места на третье.

¹² Лисенкова А.Д. В Германии сломался «светофор»? // РСМД. 14.06.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/v-germanii-slomalsya-svetofor/> (дата обращения: 15.07.2024); Neueste Wahlumfragen im Wahltrend zur Bundestagswahl. URL: <https://dawum.de/Bundestag/> (дата обращения: 12.07.2024).

временем на земельных выборах в Бранденбурге, Саксонии и Тюрингии в сентябре 2024 г. ССВ вошла в тройку сильнейших партий, достигнув к тому же в своих результатах двузначных показателей. Прошлые неудачи С. Вагенкнехт, в частности создание движения «Вставай!», вызывали некоторые опасения на предмет будущего партии, но надежду внушали рейтинги и перманентный кризис «Левой». На пользу пошло и грамотное решение начать со второстепенных выборов как в Европейский парламент, так и в ландтаги именно Восточной Германии, где ранее наиболее сильно тяготевший к левым электорат всё больше в ней разочаровывался.

В соответствии со спецификой избирательной системы страны ключевое значение имеет установленный в 1953 г. 5-процентный барьер по вторым голосам на федеральных выборах. Именно по этому критерию в большей степени следует проводить черту между малыми и крайне малыми партиями. К первым можно отнести СвДП, «зелёных», левых, АдГ и ССВ. Вместе с тем стоит сделать ряд оговорок. В частности, 2 декабря 1990 г. прошли первые выборы в воссоединившейся Германии, где 5-процентный барьер существовал отдельно для западных земель и отдельно для восточных. Тогда «Союз 90» и Партия зелёных ГДР в составе единой коалиции смогли пройти в Бундестаг, а «Зелёные» ФРГ этот барьер не преодолели¹³. Впрочем, 3 декабря 1990 г. западные и восточные «зелёные» объединились, а в 1993 г. стали единой силой с «Союзом 90». Партия «Левая» также несколько раз сталкивалась с проблемой преодоления 5-процентного порога по вторым голосам. В 1994 и 2021 годах её спасло правило полу-

чения трёх и более прямых мандатов по первым голосам. В 2002 г. прямых мандатов было только два, потому и в парламент прошли только два депутата, а не пропорциональная проценту полученных голосов делегация.

На выборах в Европейский парламент до 2011 г. также действовал 5-процентный барьер, но позднее его признали неконституционным [Румянцев 2011]. В 2013 г. была осуществлена попытка внедрения нового ограничения в 3%, но и оно не продержалось до выборов 2014 года¹⁴. Несмотря на обширные дискуссии, порог на выборах 2024 г. установлен не был, хотя в других государствах-членах он всё-таки присутствовал, например 5% в Венгрии и 4% в Италии¹⁵. Следовательно, ряд крайне малых партий также не в первый раз имели возможность пройти в наднациональный институт. Ни одна из них, равно как и партия «Левая», не преодолела бы 5-процентный порог, если бы проводилось голосование в Бундестаг.

Тем не менее, в том числе из-за отсутствия столь острого опасения по поводу непреодоления барьера, большинство крайне малых партий, прошедших в Европарламент, действительно выступило успешнее: «Свободные избиратели» (2,7 вместо 2,4%), «Вольт» (2,6 вместо 0,4%), «ПАРТИЯ» (1,9 вместо 1%), Экологическая демократическая партия (0,6 вместо 0,2%), Партия прогресса (0,6 вместо 0%), Пиратская партия (0,5 вместо 0,4%). Исключение составила Партия защиты окружающей среды животных (1,4 вместо 1,5%), а Семейная партия в 2021 г. выдвигалась только в формате прямого кандидата в избирательном округе (1 голос), потому провести корректное сравнение не

¹³ Die erste Bundestagswahl im vereinigten Deutschland // Bundestag. 2015. URL: <https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2015/kw49-kalenderblatt-gesamtdeutsche-wahl-392912> (дата обращения: 25.06.2024).

¹⁴ Grundgesetz: Verfassungsrichter kippen Dreiprozenthürde für Europawahl // Spiegel. 26.02.2014. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/verfassungsrichter-kippen-dreiprozenthuerde-fuer-europawahl-a-955704.html> (дата обращения: 25.06.2024).

¹⁵ 2024 European elections: National rules // European Parliament. 2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATA\(2023\)754620_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATA(2023)754620_EN.pdf) (accessed: 06.07.2024).

Таблица 3
Результаты выборов в Европейский парламент для основных партий Германии (1979–2024), %

Год	ХДС	ХСС	СДПГ	СвДП	«Зелёные»	Левые	АдГ	ССВ
1979	39,1	10,1	40,8	6	—	—	—	—
1984	37,5	8,5	37,4	4,8*	8,2	—	—	—
1989	29,5	8,2	37,3	5,6	8,4	—	—	—
1994	32	6,8	32,2	4,1*	10,1	4,7*	—	—
1999	39,3	9,4	30,7	3*	6,4	5,8	—	—
2004	36,5	8	21,5	6,1	11,9	6,1	—	—
2009	30,7	7,2	20,8	11	12,10	7,5	—	—
2014	30	5,3	27,3	3,4	10,7	7,4	7,1	—
2019	22,6	6,3	15,8	5,4	20,5	5,5	11	—
2024	23,7	6,3	13,9	5,2	11,9	2,7	15,9	6,2

*Порог не преодолен.

Источник: Ergebnisse früherer Europawahlen // Die Bundeswahlleiterin, Wiesbaden. 12.07.2024. 46 p . URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/0872e1f8-935a-45d6-a0f1-a3352fb4bc69/ew_ergebnisse_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024).

представляется возможным¹⁶. Применение концепции к данным партиям, как и в случае с СЮИ, не являлось бы уместным, но на этот раз из-за отсутствия 5-процентного барьера.

Исторически правящими партиями в Германии являлись либо блок ХДС/ХСС, либо СДПГ. Начиная с 1949 г. ни одна другая сила ни разу не получала возможности возглавить правительственную коалицию. Вместе с тем присутствовало многообразие коалиций, где младшие партнёры также получали допуск к управлению. С 1976 г. это состоящие либо из СДПГ и СвДП «Красно-жёлтые» (1976–1980, 1980–1982), либо из ХДС/ХСС и СвДП «Чёрно-жёлтые» (1982–1983, 1983–1987, 1987–1990, 1990–1994, 1994–1998, 2009–2013), либо из СДПГ и «зелёных» «Красно-зелёные» (1998–2002, 2002–2005), либо из ХДС/ХСС и СДПГ «Большие» («Чёрно-красные») (2005–2009, 2013–2017, 2018–2021) коали-

ции. С 2021 г. у власти в Германии находится коалиция «Светофор» («Красно-зелёно-жёлтая»), куда входят СДПГ, «зелёные» и СвДП¹⁷.

Результаты выборов двух уровней с 1970-х годов в большинстве случаев оправдывали положения концепции национальных выборов «второго порядка» (табл. 3 и табл. 4). В частности, показатели ХДС подтвердили её во всех случаях. Когда партия находилась у власти, она традиционно выступала на европейских выборах хуже, а в оппозиции — лучше. Исключение составил только 2009 год, но тогда федеральные выборы шли вслед за наднациональными, потому данный год тоже не противоречит концепции. Результаты других партий в ряде случаев отходили от положений, потому как данные силы выступали всё-таки хуже или лучше, чем предполагалось концепцией: ХСС в 1979, 2004, 2019 годах; СДПГ в 1979, 1984, 1994, 2009, 2014 годах; СвДП в 1999,

¹⁶ Comparative tool // European Parliament. 2024. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/tools/comparative-tool/> (accessed: 06.07.2024); Ergebnisse früherer Bundestagswahlen // Der Bundeswahlleiter, Wiesbaden. 2022. 130 p. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/397735e3-0585-46f6-a0b5-2c60c5b833de6/btw_ab49_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024).

¹⁷ Wahlperioden 1949-2025. URL: <https://www.btg-bestellservice.de/pdf/70139000.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

Таблица 4
Результаты выборов в Бундестаг для основных партий Германии (1976–2021)¹⁸, %

Год	ХДС		ХСС		СПДГ		СвДП		«Зелёные»		Левые		АлГ	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Голос														
1976	38,3	38	10,6	10,6	43,7	42,6	6,4	7,9	—	—	—	—	—	—
1980	35,6	34,2	10,4	10,3	44,5	42,9	7,2	10,6	1,9	1,5*	—	—	—	—
1983	41	38,2	11,1	10,6	40,4	38,2	2,8	7	4,1	5,6	—	—	—	—
1987	37,5	34,5	10,2	9,8	39,2	37	4,7	9,1	7	8,3	—	—	—	—
1990	38,3	36,7	7,4	7,1	35,2	33,5	7,8	11	4,4 (5,5) 1,2 (6,1)	3,8 (4,8*) 1,2 (6,1)	2,3	2,4	—	—
1994	37,2	34,2	7,8	7,3	38,3	36,4	3,3	6,9	6,5	7,3	4,1	4,4	—	—
1998	32,2	28,4	7,3	6,7	43,8	40,9	3	6,2	5	6,7	4,9	5,1	—	—
2002	32,1	29,5	9	9	41,9	38,5	5,8	7,4	5,6	8,6	4,3	4	—	—
2005	32,6	27,8	8,2	7,4	38,4	34,2	4,7	9,8	5,4	8,1	8	8,7	—	—
2009	32	27,3	7,4	6,5	27,9	23	9,4	14,6	9,2	10,7	11,1	11,9	—	—
2013	37,2	34,1	8,1	7,4	29,4	25,7	2,4	4,8*	7,3	8,4	8,2	8,6	1,9	4,7*
2017	30,2	26,8	7	6,2	24,6	20,5	7	10,7	8	8,9	8,6	9,2	11,5	12,6
2021	22,6	19	6	5,2	26,4	25,7	8,7	11,4	13,9	14,8	4,9	4,9	10,2	10,4

* Порог не преодолен.

** Данные представлены отдельно как у западных и восточных «зелёных», так и в среднем по стране и отдельно по Западной и Восточной Германии.

Источники: составлено автором на основе статьи Сласского [2006]; Ergebnisse früherer Bundestagswahlen // Der Bundeswahlleiter, Wiesbaden. 2022. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/397735e3-0585-46f6-a0b5-2c60c3b83de6/btw_ab49_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024); Grüne Partei der DDR // Chronik der Wende. URL: https://www.chronikderwende.de/lexikon/glossar/glossar_jsp/key=gr%25fscnepartei.html (дата обращения: 06.07.2024).

¹⁸ Ergebnisse früherer Bundestagswahlen. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/397735e3-0585-46f6-a0b5-2c60c3b83de6/btw_ab49_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024); Grüne Partei der DDR. URL: https://www.chronikderwende.de/lexikon/glossar/glossar_jsp/key=gr%25fscnepartei.html (дата обращения: 06.07.2024).

2004, 2014, 2019 годах; «зелёные» в 2004 году; левые в 2009, 2014, 2019, 2024 годах и АдГ в 2019 году.¹⁸

В то же время, когда выборы двух уровней приходились на один и тот же год (2009), более корректно было бы ориентироваться не на всех членов предстоящей коалиции, а только на потенциального победителя / старшего партнёра, если только не предстояло возобновление действующей коалиции в следующем созыве Бундестага (1994). Пребывание в коалиции может отразиться на результатах уже всех формирующих правительство партиях, например СвДП в 2014 году. Погрешность можно учитывать и в отношении ХСС, который является частью и другого коалиционного сотрудничества (сестринский блок двух партий ХДС/ХСС), что в определённой мере отражает позицию избирателей Баварии, где непосредственно функционирует эта партия. Если результаты блока ХДС/ХСС рассматривать в совокупности, как он и представлен во фракции / политической группе, то погрешность нивелируется.

Выборы в Европейский парламент летом 2024 г. пришлось на вторую половину национального избирательного цикла: «медовый месяц» уже закончился, и следующее голосование в Бундестаг должно было пройти осенью 2025 года. Правящая коалиция в составе СДПГ, «зелёных» и СвДП в 2024 г. набрала 13,9, 11,9 и 5,2%, выступив хуже, чем на федеральных выборах 2021 г. во всех трёх случаях (табл. 3). Для сравнения: в сентябре 2021 г. их результаты по вторым голосам составили 25,7, 14,8 и 11,4% (табл. 4). Усилил свои позиции главный оппозиционный оппонент на федеральном уровне и традиционный победитель всех наднациональных кампаний в Германии в лице блока ХДС/ХСС: 23,7% у ХДС и 6,3% у ХСС вместо 19 и 5,2% в ходе голосования в Бундестаг. Блок, хотя и не является действующим членом правящей коалиции, считается «мейнстримным» и «народным», потому не относится к малым, популистским или радикальным партиям. Таковы-

ми можно назвать трёх оставшихся протестных игроков из списка основных национальных партий страны. Прежде всего речь идёт об АдГ, которая впервые в истории вышла на второе место, получив 15,9 вместо 10,4%. Партия «Левая» уже не первый год теряет свои позиции (2,7 вместо 4,9%). Наконец, ССВ продемонстрировал достаточно успешные результаты (6,2%) на своих первых выборах на каком-либо уровне.

С одной стороны, его можно было бы попытаться сравнить с партией «Левая» в 2021 году (4,9%), от которой он откололся и чьё место мог занять в следующем созыве Бундестага. С другой стороны, электорат партии С. Вагенкнехт составляют не только разочаровавшиеся сторонники левых, но и целевая аудитория ряда других сил, в том числе АдГ. Следовательно, подобного рода сравнения можно проводить лишь весьма условно [Pesthy et al. 2021; Белов 2023; Decker et al. 2024]. Таким образом, учитывая особенности отношений ССВ и левых, где обе силы претендуют на одну и ту же нишу, можно сказать, что концепция в очередной раз оправдала себя в контексте избирательных циклов, правительственных и малых партий, а также крупнейшей оппозиционной силы в лице ХДС/ХСС. Последняя оказалась в выигрышном положении самим фактом своего существования, не имея других еврооптимистичных и зачастую более привлекательных альтернатив, чем ещё более протестные евроскептики [Lewandowsky, Jankowski 2023].

Начиная с конца 2021 г. Германия сталкивалась с широким спектром политических проблем, касающихся энергетической, экономической и внешнеполитической сфер. Эти вызовы оказали отрицательное воздействие на политическую эффективность и рейтинги правящей коалиции, тогда как сами проблемы были обусловлены введёнными ЕС антироссийскими санкционными и иными ограничениями (в частности, энергетическими эмбарго), что негативно повлияло на зависимые от экономических отношений с российской сто-

роной государства—члены объединения¹⁹ [Белов 2022; Хорольская 2023; Белов, Котов 2023]. Поддерживать баланс национальных интересов и европейских ценностей в эпоху канцлерства А. Меркель в отношении России в условиях эскалации украинского кризиса не представлялось возможным [Соколов, Воротников и др. 2023], а политика в области обеспечения безопасности стала более иррациональной и идеологизированной [Белозёров 2023]. Отдельно стоит подчеркнуть, что всё это происходит на фоне неудовлетворённости как уровнем демократии и деятельностью политических элит, так и дорогостоящим постковидным восстановлением [Клинова, Сидорова 2022; Hansen, Olsen 2022],

Актуальной для ФРГ остаётся и проблема миграционной политики, последствия которой обусловлены как сохранением интенсивных миграционных потоков (в том числе из Украины, стран Ближнего Востока и Северной Африки), так и высокими социальными расходами в сочетании со вспышками антисемитских настроений среди мигрантов, ростом преступности и другими факторами. Вопрос миграции обострил разногласия между федеральным и земельными правительствами (особенно из Восточной Германии), а также вызвал недовольство правительством ввиду искусственных ограничений открытой общественно-политической дискуссии [Соколов, Давыдов 2023].

Альтернативой правящей с 2021 г. коалиции «Светофор» в 2024 г. стали блок ХДС/ХСС, АдГ, ССВ и партия «Левая». Среди малых сил не было умеренных еврооптимистов со стороны право- или левоцентристов. Таковыми могли бы быть СвДП или «зелёные», если бы не являлись частью «Светофора». Правящая коалиция вместе с еврооптимистичным блоком ХДС/ХСС включала в себя пять партий из восьми, если брать в расчёт ССВ.

Для сравнения: в 2019 г. еврооптимистично, но протестно настроенные избиратели активно голосовали как раз за оппози-

ционных «зелёных», что подняло партию на второе место после блока ХДС/ХСС. Подогревался интерес высокой популярностью климатической проблематики [Giebler 2019]. Как впоследствии показали опросы общественного мнения, ряд граждан шёл голосовать именно за защиту климата, при этом общая доля избирателей, убеждённых в том, что их голос на что-то повлияет, невелика [Milosavljević, Milovanović 2019].

В то же время на выборах в Европейский парламент за «Союз 90/Зелёные», малую партию, электорат традиционно голосует охотно. В частности, она оправдала положения концепции во всех случаях, когда участвовала в европейских кампаниях, за исключением 2004 года. Будучи правительственной партией, она должна была выступить хуже, чем на выборах в Бундестаг, но этого не случилось. Её риторика еврооптимистична и достаточно умеренна на фоне популистов разного толка. Она также привлекала своей антиправительственной риторикой, за исключением тех периодов, когда состояла в коалициях «Красно-зелёной» (1998–2005 гг.) и «Светофор» (2021–2025 гг.), а также благодаря целенаправленной политике по решению экологических проблем на более подходящем европейском уровне. Однако в настоящий момент климатическая повестка дня не пользуется былой популярностью, а сама партия состоит в правящей коалиции.

СвДП схожа с более влиятельным ХДС/ХСС, из-за чего недостаточно внятна в восприятии избирателей. По сути, партия — более категоричная версия блока (например, в продвижении рыночной экономики и технологического роста, защите некоторых видов энергетики (например, атомной) и т.д.) и тем самым похожа на правых популистов. Статус младшего партнёра в «Светофоре», остальные члены которого расположены левее центра, только вредит. Партия слишком часто вынуждена идти на уступки. Таким образом, снижение её рейтингов следовало ожидать.

¹⁹ Например, рост цен, инфляция, нарушение торговых цепочек и кризис промышленности.

Результаты «Альтернативы для Германии», в отличие от 2024 года, в 2019 г. не соответствовали положениям концепции. Партия традиционно предлагала альтернативные правительственным решения по самым популярным темам повестки дня, как, в частности, в 2014 и 2017 годах по решению кризиса еврозоны и проблемы миграции. Граждане были не согласны с действиями властей, потому голосовали за АдГ. В 2019 г. изменение климата стало популярной темой не из-за недовольства властями, так как избиратели были скорее обеспокоены самой проблемой. В этом случае традиционная тактика правых популистов не сработала. Предложения по отказу от реализуемых мер не дали положительного результата, тогда как пик сыгравшего в пользу правых популистов миграционного кризиса остался позади. В 2024 г. критика среди прочего финансовой политики и работы институтов ЕС, антироссийских энергетических санкций и других экономически невыгодных решений, помощи Украине, доминирования неевропейских держав (США), исламского фундаментализма и нелегальной миграции²⁰ была воспринята положительно. Не была забыта и другая традиционная повестка дня партии — вопрос миграции, всё ещё беспокоящий граждан. В результате партия показала рекордные для себя результаты.

На ХСС в 2019 г. сказалось назначение М. Вебера ведущим кандидатом на пост председателя Европейской комиссии от транснациональной Европейской народной партии, что привлекало дополнительное внимание избирателей Баварии. В 2024 г. кандидатом стала У. фон дер Ляйен от ХДС, что было менее приемле-

мым вариантом для электората ХСС. С программной точки зрения блок ХДС/ХСС не только по традиции придерживался проевропейского курса, но и выступил в защиту промышленности, а также за инновации, улучшение общей внешней политики и политики безопасности ЕС, упрочение сотрудничества с Вашингтоном, поддержку Киева, контроль миграции, пересмотр европейской «Зелёной сделки»²¹ и ряда других невыгодных экономических мер²². Совокупность представленных обстоятельств наглядно показывает, почему блок ХДС/ХСС обошёл правящую на национальном уровне СДПГ, а также сохранил традиционное первое место в рамках европейских кампаний.

Наконец, затянувшийся кризис левых был связан, в частности, с популистскими перегибами с использованием идей «зелёных» и социал-демократов, отсутствием реальной экономической альтернативы, отвергаемым традиционным консервативным восточногерманским электоратом некогда правящей на территории Германской Демократической Республики партии копированием западных ценностей. В результате снижение поддержки левых сил сказалось и на итогах 2024 года, а ранее закономерно привело к появлению ССВ, который возглавила С. Вагенкнехт — один из самых популярных левых политиков [Moreau 2022; Лисенкова 2023]. Последняя, как и АдГ, выступила против поставок вооружения Украине и зависимости от США, а также за снятие санкций с Российской Федерации, более строгий миграционный контроль, инновационные и экономические целесообразные энергетические решения и социальные стандарты²³. Партия «Левая», в

²⁰ Europawahlprogramm 2024 // AfD. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2023/11/2023-11-16-AfD-Europawahlprogramm-2024_-web.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

²¹ Но не отказ от текущей климатической политики как таковой.

²² Mit Sicherheit Europa. Für ein Europa, das schützt und nützt // CDU/CSU. 2024. 27 p. URL: https://web.archive.org/web/20240907062351/https://www.europawahl.cdu.de/sites/www.europawahlprogramm.cdu.de/files/docs/europawahlprogramm-cdu-csu-2024_0.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

²³ Programm für die Europawahl 2024 // Bündnis Sahra Wagenknecht. 20 p. URL: https://web.archive.org/web/20240217223923/https://bsw-vg.de/wp-content/uploads/2024/02/BSW_Europawahlprogramm_2024.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

свою очередь традиционно критикуя капиталистическую основу Европейского союза, была куда более лояльна к мигрантам, выступая за поддержку стран «глобального Юга» в том числе через продвижение социальных и экологических стандартов в торговых соглашениях, при этом не возражая против ряда санкционных ограничений в отношении России, например против силового сектора²⁴. Как следствие, политический контекст, сопровождавший кампанию 2024 года, не предполагал победу левых как над недавно созданным конкурентом, так и над другими основными силами.

Учитывая специфику происходящих в Германии и на мировой арене событий, голосование в пользу наиболее влиятельного в истории объединённой страны и ныне крупнейшего оппозиционного и еврооптимистичного блока ХДС/ХСС, а также малых популистских, протестных или даже в какой-то степени радикальных в случае АдГ, в том числе из-за деятельности Бьёрна Хёкке²⁵, партий вполне обоснованно [Соколов, Давыдов 2023; Германия.2023 2024]. Выбор всех альтернатив правящей коалиции можно было рассматривать как своего рода протест против национальной политики. Тем не менее не стоит переоценивать излишнее влияние партийных программ. Хотя в условиях текущего кризиса установки партии «Левая» наименее привлекательны из доступных альтернатив, именно на ней в первую очередь сказался системный кризис. Между тем блок ХДС/ХСС — традиционный партийный лидер в Германии — оказался после завершения эпохи канцлера А. Меркель в оппозиции. Теперь же он получил возможность продемонстрировать несколько иное еврооптимистичное видение, не омрачённое пребыванием у власти в трудный момент истории. В случае АдГ и ССВ в куда большей степени на итоги европейской кампании повлияли именно программы.

Таким образом, наблюдается снижение протестного отношения к выборам в Европейский парламент в Германии, что подтверждается уменьшением доли испорченных бюллетеней — впервые в истории этот показатель оказался ниже, чем во время предшествующей федеральной кампании. Тем не менее недовольство правящей коалицией «Светофор», преодолевшей «экватор» своего срока, всё-таки подтолкнуло избирателей к поиску альтернативы. Из еврооптимистов ею стал блок ХДС/ХСС, который и одержал победу на выборах, тогда как у евроскептиков успешно выступили малые популистские и протестные силы, представленные АдГ и ССВ.

* * *

Итоги кампании в Европейский парламент 2024 г. в Германии показали, что концепция национальных выборов «второго порядка» по-прежнему применима. В частности, явка избирателей в 2024 г. оставалась ниже, чем была на федеральных выборах в Бундестаг в 2021 году, а действующие правительственные партии коалиции «Светофор» (СДПГ, «зелёные» и СвДП), перевалив за середину своего избирательного цикла, растеряли существенную часть рейтинга. Прослеживалось и протестное голосование в пользу как крупнейшего оппозиционного блока ХДС/ХСС, так и малых популистских ССВ и АдГ.

Вместе с тем явка избирателей в Германии на выборах в Европейский парламент растёт уже третью кампанию, а в среднем по ЕС — вторую. Кроме того, процент испорченных бюллетеней в 2024 г. впервые за всю историю европейских выборов в ФРГ был ниже, чем на предшествовавших федеральных в 2021 году. К тому же сокращение разрыва между показателями кампаний двух уровней наметился ещё в 2019 году, если проводить сравнение с 2017 годом. По обоим параметрам (явка, испорченные бюлле-

²⁴ Zeit für Gerechtigkeit. Zeit für Haltung. Zeit für Frieden // Die Linke. 2024. 96 p. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/user_upload/Europawahlprogramm_2024.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

²⁵ Бьёрн Хёкке — глава регионального представительства АдГ в Тюрингии, неоднократно обвиняемый в расизме и нацизме, лидер радикального внутрипартийного объединения «Крыло» (Der Flügel).

тени) начинает прослеживаться определённая тенденция, согласно которой каждые новые европейские выборы демонстрируют всё меньше признаков второстепенности. Наблюдаемые изменения — следствие институциональной трансформации Европейского парламента, постепенного выравнивания показателей на выборах у старых и новых членов после ряда расширений ЕС и воссоединения Германии, а также повышенной активности евроскептиков. Данную тенденцию предстоит подтвердить последующим европейским кампаниям, но уже сейчас можно сделать промежуточный вывод о том, что за сменой отношения к важности данного голосования, вероятнее всего, последует и трансформация электоральных предпочтений избирателей. Таким образом, степень протестного выбора может уменьшиться, при этом влияние избирательных циклов нельзя будет исключать. Смена предпочтений граждан от срока к сроку свойственна и на национальных выборах «первого порядка».

Тем не менее серьёзное воздействие оказывают и кризисы внутри политических партий Германии (в частности, раскол в «Левой»), а также проблемы, связанные с недовольством граждан миграционными потоками, внешнеполитическими приоритетами в отношении украинского кризиса и нарушением энергетических поставок из России, следствием чего стал рост цен. Данные кризисы и проблемы влияют на рейтинги партий и запросы граждан. Именно они в большей степени и ранее становились причиной, почему не все успехи или провалы тех или иных игроков коррелировали с положениями концепции выборов «второго порядка». В 2024 г. таким наиболее ярким примером стала партия «Левая», испытывающая системный многолетний кризис, недавно пережившая раскол и постепенно терявшая оставшееся парламентское представительство. Сказались и традиционная популярность блока ХДС/ХСС в стране, а также программные установки АдГ и ССВ.

Список литературы

- Белов В.Б. Партийный проект Сары Вагенкнехт — новая протестная альтернатива? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 4 (36). С. 43–48. DOI: 10.15211/analytics42820234348
- Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №5 (123). С. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177
- Белов В.Б. Смена парадигмы в энергетической кооперации Германии с Россией // Современная Европа. 2022. №4 (111). С. 5–21. DOI: 10.31857/S0201708322040015
- Белов В.Б., Котов А.В. Оформилась ли «смена эпох» в экономических отношениях. ЕС и Германии с Россией? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 1 (33). С. 17–37. DOI: 10.15211/analytics1320231727
- Германия. 2023 / Под ред. В.Б. Белова. М.: Ин-т Европы РАН, 2024. 194 с. DOI: 10.15211/report22024_408
- Горчакова О.Г. Анализ трендов избирательной явки за период с 1979 по 2009 годы на примере выборов в Европейский парламент // Социум и власть. 2010. № 4 (28). С. 48–53.
- Гуселетов Б.П. Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 г. // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4 (120). С. 38–60. DOI: 10.31249/ape/2023.04.03
- Гуселетов Б.П. Трансформация партийно-политической системы ЕС накануне евровыборов-2024 // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 3. С. 34–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45
- Кавешников Н.Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа. 2020. № 2(95). С. 163–175. DOI: 10.15211/soveurope22020163175
- Клинова М.В., Сидорова Е.А. Политическая турбулентность и инфляция во Франции и еврозоне // Международные процессы. 2022. Т. 20. №4 (71). С. 119–135. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.7
- Кузнецов А.В. Явка на выборах в Европарламент: изменение отношения к ЕС жителей разных стран-членов // Выборы в Европарламент — 2019: национальные ответы на дилеммы европейской

- интеграции / Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН; ИЕ РАН, 2019. С. 18–22.
- Лисенкова А.Д. Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений // Регионология. 2023. Т. 31. №3 (124). С. 426–441. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
- Павлов Н.В., Дмитриев Д.А. «Левая»: кризис идеи или врождённый дефект? // Современная Европа. 2024. № 3(124). С. 82–94. DOI: 10.31857/S0201708324030070
- Погорельский А.В. Генезис и эволюция евроскептицизма как политического явления // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2022. № 3 (32). С. 166–172.
- Румянцев А.Г. Пятипроцентный барьер на выборах в Европарламент признан в Германии неконституционным // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 94–102.
- Самолетова А.М. Выборы в Европейский парламент в посткоммунистических странах Европейского союза: что они говорят о партийных системах этих стран? // Полития. 2013. №3 (70). С. 131–146. DOI: 10.30570/2078-5089-2013-70-3-131-146
- Соколов А.П., Воротников В.В., Давыдов А.Д. Изменение через отдаление: правительство Олафа Шольца и российский-германские отношения. М.: МГИМО-Университет, 2023. 40 с.
- Соколов А.П., Давыдов А.Д. Проблемы миграционной политики Германии: от сдержанности к открытости // Международная аналитика. 2023. Т. 14. №3. С. 41–57. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57
- Спаский Е.Н. От «Антипартийности» к партийному традиционализму: политическая эволюция «Зелёных» в объединённой Германии // Политэкс. 2006. №4. С. 82–96.
- Фёдоров С.М. Евровыборы во Франции и их политические последствия // Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН; ИЕ РАН, 2019. С. 65–68.
- Хорольская М.В. Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий на Украине: вызовы для России // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 2. С. 73–83. DOI: 10.20542/afj-2023-2-73-83
- Efthymiopoulos M.P., Kaimakioti M., Fotopoulos S. 2019 European Elections in Cyprus: An Empirical Exploration of Second-Order Election Effects and Europe Salience // Baltic Journal of Law & Politics. 2024. Vol. 117. No. 1. P. 116–135. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0006.
- Felix W.C. Still Second-Order? Can the European Parliament Elections Still be Classified as Second-Order Elections? FU Berlin – Otto-Suhr-Institute, 2021. Working Paper. 16 p. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-76698-8> (accessed: 02.03.2025).
- Decker O., Kalkstein F., Dilling M., Celik K., Hellweg N., Brähler E. Besteht eine Chance für eine neue Partei? AfD-Anhänger und die Aussicht für eine Alternative links der Mitte // Forschungsjournal Soziale Bewegungen. 2024. Vol. 37. No. 2. P. 1–27.
- Giebler H. Germany: Second Order but Still Groundbreaking? // The European Parliament Elections of 2019 / ed. by L. De Sio, M.N. Franklin, L. Russo. Rome: Luiss University Press, 2019. P. 147–153.
- Hansen M.A., Olsen J. The Alternative for Germany (AfD) as Populist Issue Entrepreneur: Explaining the Party and its Voters in the 2021 German Federal Election // German Politics. 2022. P. 1–25. DOI: 10.1080/09644008.2022.2087871
- Hix S., Marsh M. Punishment or Protest? Understanding European Parliament Elections // The Journal of Politics. 2007. Vol. 69. No. 2. P. 495–510. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00546.x
- Jurkynas M. Testing Europe Salience and Second-Order Election Theories: 2019 European Parliamentary Elections in Lithuania // Baltic Journal of Law & Politics. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 93–115. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0005
- Korte K.-R. Wahlen in Nordrhein-Westfalen: Kommunalwahl – Landtagswahl – Bundestagswahl – Europawahl. Frankfurt am Main: Wochenschau Verlag, 2020. 262 p.
- Lasan N. Testing the Second-Order Elections Model on the 2019 European Elections in Romania // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Europaea. 2020. Vol. 65. No. 2. P. 359–374. DOI: 10.24193/subbeuropaea.2020.2.16
- Lewandowsky M., Jankowski M. Sympathy for the Devil? Voter Support for Illiberal Politicians // European Political Science Review. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 39–56. DOI: 10.1017/S175577392200042X
- Milosavljević I.R., Milovanović I. Izbori za Evropski parlament: od nacionalnih izbora drugog reda do evropeizovanog drugorazrednog takmičenja // Godišnjak FPN. 2019. No. 13. P. 55–73.
- Moreau P. Aux marges du système politique : Die Linke et l'AfD aux élections au Bundestag de 2021 // Revue d'Allemagne. 2022. Vol. 54. No. 1. P. 217–235. DOI: 10.4000/allemanne.3090
- Norris P., Reif K. Second-Order Elections // European Journal of Political Research. 1997. Vol. 31. Iss. 1. P. 109–124. DOI: 10.1111/1475-6765.00308
- Ondarza O., Schenut F. Schatten über den Europawahlen: Drei Szenarien für EU-skeptische Parteien nach den Wahlen 2019 // SWP-Aktuell. 2018. No. 58. P. 1–8.

- Pesthy M., Mader M., Schoen H.* Why Is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election // *Politische Vierteljahresschrift*. 2021. Vol. 62. P. 69–91. DOI: 10.1007/s11615-020-00285-9
- Reif K., Schmitt H.* Nine Second-Order National Elections. A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results // *European Journal of Political Research*. 1980. Vol. 8. No. 1. P. 3–44. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1980.tb00737.x
- Schmitt H., Sanz A., Braun D., Teperoglou E.* It All Happens at Once: Understanding Electoral Behaviour in Second-Order Elections // *Politics and Governance*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 6–18. DOI: 10.17645/pag.v8i1.2513
- Zemánek L.* 2024 European Parliament Election: Campaign, Predictions & Trends // *Weekly Briefing*. 2024. Vol. 73. No. 4. P. 1–8.

THE 2024 EUROPEAN CAMPAIGN IN GERMANY

STILL “SECOND-ORDER” ELECTIONS?

ALENA LISENKOVA

North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, 199178, Russia

Abstract

The tenth direct European elections were held in 2024, with citizens from all member states of the European Union involved. Despite the well-established tradition of European campaigns, the perception that this vote is of little importance and secondary is embedded in the academic political discourse. Several provisions of the concept of second-order national elections are often cited as evidence. According to its proponents, the secondary vote is traditionally characterized by low turnout, setbacks for governing political parties, a high percentage of invalid ballots, and broad prospects for various small, new, populist, radical, or protest parties. This paper aims to assess the applicability of the concept to the 2024 campaign for the European Parliament in Germany. The article employs statistical data making it possible to compare the results of first-order (Bundestag) and second-order (European Parliament) elections. These data relate to turnout, protest voting, and the results of all the country's main political parties. Special attention is attached to the key elements of the legal and institutional transformation of the European Parliament, as well as the political issues and intra-party crises that influenced the election results. The article concludes by saying that one may detect a definite trend over the last three (2014, 2019, 2024) campaigns, concerning both a gradual increase in citizens' interest in voting for the European Parliament and a decrease in the percentage of spoiled ballots. Nevertheless, in some respects, the 2024 elections can still be regarded as second-class. For example, turnout in 2024 was significantly lower than in the preceding 2021 federal campaign, while members of the ruling Traffic Light coalition, which is in the second half of its term, were unsuccessful. Protest voting for both Eurosceptics and Eurooptimists was also evident. Finally, the combination of economic, energy, foreign policy and migration issues, as well as the systemic crisis of the Left party, weighed heavily.

Keywords:

concept of second-order national elections; European Parliament; 2024 European elections; Germany

References

- Belov V.B. (2022). Smena paradigmy v energeticheskoy kooperatsii Germanii s Rossiyei [A Paradigm Change in Energy Cooperation between Germany and Russia]. *Contemporary Europe*. No. 4 (111). P. 5–21. DOI: 10.31857/S0201708322040015

- Belov V.B. (2023). Partiyyny proyekt Sary Vagenknecht – novaya protestnaya al'ternativa? [Sarah Wagenknecht's Party Project – a New Protest Alternative?]. *Analytical papers of IE RAS*. No. 4 (36). P. 43–48. DOI: 10.15211/analytics42820234348
- Belov V.B., Kotov A.V. (2023). Oformilas' li «smena epokh» v ekonomicheskikh otnosheniyakh. YES i Germanii s Rossiyey? [Has the "Zeitenwende" Taken Shape in the Economic Relations of the EU and Germany with the Russian Federation?]. *Analytical papers of IE RAS*. No. 1 (33). P. 17–37. DOI: 10.15211/analytics1320231727
- Belov V. B. (ed.) (2024). *Germaniya*. 2023 [Germany. 2023]. Moscow: IE RAS. 194 p. DOI: 10.15211/report22024_408
- Belozyorov V.K. (2023). Germaniya konstruiyuet strategicheskuyu kulturu [Germany Building a Strategic Culture]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 21. No. 5 (123). P. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177
- Decker O., Kalkstein F., Dilling M., Celik K., Hellweg N., Brähler E. (2024). Besteht eine Chance für eine neue Partei? AfD-Anhänger und die Aussicht für eine Alternative links der Mitte. *Forschungsjournal Soziale Bewegungen*. Vol. 37. No. 2. P. 1–27.
- Efthymiopoulos M.P., Kaimakioti M., Fotopoulos S. (2024). 2019 European Elections in Cyprus: An Empirical Exploration of Second-Order Election Effects and Europe Salience. *Baltic Journal of Law & Politics*. Vol. 117. No. 1. P. 116–135. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0006
- Fedorov S. M. (2019). Yevrovybory vo Frantsii i ikh politicheskiye posledstviya [The European Elections in France and Their Political Consequences]. In: Yu. Kvashnin, A. Kudriavtsev, N. Plevako, V. Shveitser (eds.). *European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration*. Moscow: IMEMO, IE RAS. P. 65–68.
- Felix W.C. (2021). *Still Second-Order? Can the European Parliament Elections Still be Classified as Second-Order Elections?* FU Berlin – Otto-Suhr-Institute. Working Paper. 16 p. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-76698-8> (accessed: 02.03.2025).
- Giebler H. (2019). Germany: Second Order but Still Groundbreaking? In: L. De Sio, M. N. Franklin, L. Russo (eds.). *The European Parliament Elections of 2019*. Rome: Luiss University Press. P. 147–153.
- Gorchakova O.G. (2010). Analiz trendov izbiratel'noy yavki za period s 1979 goda 2009 goda na primere vyborov v Yevropeyskiy parlament [The Turnout Trends Analysis from 1979 to 2009 on the Example of the Elections to the European Parliament]. *Society and Power*. No. 4 (28). P. 48–53.
- Guseletov B.P. (2023). Pravoradikal'nyye obshcheyevropeyskiye partii nakanune obshcheyevropeyskikh vyborov 2024 g [Right-Wing Pan-European Parties on the Eve of The Pan-European Elections of 2024]. *Current Problems of Europe*. No. 4 (120). P. 38–60. DOI: 10.31249/ape/2023.04.03
- Guseletov B.P. (2024). Transformatsiya partiyno-politicheskoy sistemy YES nakanune yevrovyborov-2024 [Transformation of the EU Political Party System on the Eve of the 2024 European Election]. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 3. P. 34–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45
- Hansen M.A., Olsen J. (2022). The Alternative for Germany (AfD) as Populist Issue Entrepreneur: Explaining the Party and its Voters in the 2021 German Federal Election. *German Politics*. P. 1–25. DOI: 10.1080/09644008.2022.2087871
- Hix S., Marsh M. (2007). Punishment or Protest? Understanding European Parliament Elections. *The Journal of Politics*. Vol. 69. No. 2. P. 495–510. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00546.x
- Jurkynas M. (2024). Testing Europe Salience and Second-Order Election Theories: 2019 European Parliamentary Elections in Lithuania. *Baltic Journal of Law & Politics*. Vol. 17. No. 1. P. 93–115. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0005
- Kaveshnikov N.Yu. (2020). Vliyaniye transformatsii partiyno-politicheskogo prostranstva Yevrosoyuza na organizatsiyu i funktsionirovaniye Yevroparlamenta [Transformation of Party and Political Space of the European Union and Its Influence on the Organization and Functioning of the European Parliament]. *Contemporary Europe*. No. 2 (95). P. 163–175. DOI: 10.15211/soveurope22020163175
- Khorolskaya M.V. (2023). Izmeneniya v politicheskom landshafte Germanii posle nachala boyevykh deystviy na Ukraine: vyzovy dlya Rossii [Changes in the German Political Landscape after the Outbreak of the Conflict in Ukraine: Challenges for Russia]. *Analysis and Forecasting*. IMEMO Journal. No. 2. P. 73–83. DOI: 10.20542/afij-2023-2-73-83
- Klinova M.V., Sidorova E.A. (2022). Politicheskaya turbulentnost' i inflyatsiya vo Frantsii i yevrozone [Inflation in the Context of Geopolitics in France and the Eurozone]. *International Trends*. Vol. 20. No. 4 (71). P. 119–135. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.7
- Korte K.-R. (2020). *Wahlen in Nordrhein-Westfalen: Kommunalwahl – Landtagswahl – Bundestagswahl – Europawahl*. Frankfurt am Main: Wochenschau Verlag. 262 p.
- Kuznetsov A.V. (2019). Yavka na vyborakh v Yevroparlament: izmeneniye otnosheniya k YES zhitel'ey raznykh stran-chlenov [Turnout at Elections to the European Parliament: Changing Attitudes towards the EU of Residents of Different Member States]. In: Yu. Kvashnin, A. Kudriavtsev, N. Plevako,

- V. Shveitser (eds.). *European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration*. Moscow: IMEMO; IE RAS. P. 18–22.
- Lasan N. (2020). Testing the Second-Order Elections Model on the 2019 European Elections in Romania. *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Europaea*. Vol. 65 (2). P. 359–374. DOI: 10.24193/subeuropaea.2020.2.16
- Lewandowsky M., Jankowski M. (2023). Sympathy for the Devil? Voter Support for Illiberal Politicians. *European Political Science Review*. Vol. 15. No. 1. P. 39–56. DOI:10.1017/S175577392200042X
- Lisenkova A.D. (2023). Partii «Alternativa dlya Germanii» i «Levaya» v vostochnykh zemlyakh: transformatsiya elektoral'nykh predpochteniy [The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences]. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 31. No. 3 (124). P. 426–441. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
- Milosavljević I.R., Milovanović I. (2019). Izbori za Evropski parlament: od nacionalnih izbora drugog reda do evropeizovanog drugorazrednog takmičenja. *Godišnjak FPN*. No. 13. P. 55–73.
- Moreau P. (2022). Aux marges du système politique : Die Linke et l'AfD aux élections au Bundestag de 2021. *Revue d'Allemagne*. Vol. 54. No. 1. P. 217–235. DOI: 10.4000/allemande.3090
- Norris P., Reif K. (1997). Second-Order Elections. *European Journal of Political Research*. Vol. 31. No. 1. P. 109–124. DOI: 10.1111/1475-6765.00308
- Ondarza O., Schenuit F. (2018). Schatten über den Europawahlen: Drei Szenarien für EU-skeptische Parteien nach den Wahlen 2019. *SWP-Aktuell*. No. 58. P. 1–8.
- Pavlov N.V., Dmitriev D.A. (2024). «Levaya»: krizis idei ili vrozhdennyi defekt? [The Left Party: Crisis of Ideas or Inherited Defect]. *Contemporary Europe*. No. 3(124). P. 82–94. DOI: 10.31857/S0201708324030070
- Pesthy M., Mader M., Schoen H. (2021). Why Is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election. *Politische Vierteljahresschrift*. Vol. 62. P. 69–91. DOI: 10.1007/s11615-020-00285-9
- Pogorelsky A.V. (2022). Genezis i evolyutsiya yevroskeptitsizma kak politicheskogo yavleniya [The Genesis and Evolution of Euroscepticism as a Political Phenomenon]. *Problemy sotsialnykh i gumanitarnykh nauk*. No. 3 (32). P. 166–172.
- Reif K., Schmitt H. (1980). Nine Second-Order National Elections. A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results. *European Journal of Political Research*. Vol. 8. No. 1. P. 3–44. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1980.tb00737.x
- Rumyantsev A.G. (2011). Pyatiprotsentnyy bar'yer na vyborakh v Yevroparlament priznan v Germanii nekonstitutsionnym [The Five Percent Barrier Clause for the European Elections is Recognized as Unconstitutional in Germany]. *Comparative Constitutional Review*. No. 6 (85). P. 94–102.
- Samoletova A.M. (2013). Vyборы v Yevropeyskiy parlament v postkommunisticheskikh stranakh Yevropeyskogo soyuza: chto oni govoryat o partiynykh sistemakh etikh stran? [European Parliament Elections in Post-Communist EU Countries: What They Tell Us about Party Systems in These Countries?]. *Politeia*. No. 3 (70). P. 131–146. DOI: 10.30570/2078-5089-2013-70-3-131-146
- Schmitt H., Sanz A., Braun D., Teperoglou E. (2020). It All Happens at Once: Understanding Electoral Behaviour in Second-Order Elections. *Politics and Governance*. Vol. 8. No. 1. P. 6–18. DOI: 10.17645/pag.v8i1.2513
- Sokolov A.P., Davydov A.D. (2023). Problemy migratsionnoy politiki Germanii: ot sderzhannosti k otkrytosti [Germany's Migration Policy Challenges: From Restraint to Openness]. *Journal of International Analytics*. Vol. 14. No. 3. P. 41–57. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57
- Sokolov A.P., Vorotnikov V.V., Davydov A.D. (2023). *Izmeneniye cherez otdaleniye: pravitel'stvo Olafa Shol'tsa i rossiysko-germanskiye otnosheniya* [Change through Distance: the Government of Olaf Scholz and Russian-German Relations]. Moscow: MGIMO University. 40 p.
- Spassky E.N. (2006). Ot «Antipartiynosti» k partiynomu traditsionalizmu: politicheskaya evolyutsiya «Zelenykh» v ob'yedinennoy Germanii [From the "Antiparty Affect" to the Party Traditionalism: Political Evolution of the Green Party in the United Germany]. *Political Expertise: POLITEX*. No. 4. P. 82–96.
- Zemánek L. (2024). 2024 European Parliament Election: Campaign, Predictions & Trends. *Weekly Briefing*. Vol. 73. No. 4. P. 1–8.